

ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЕТАФОРИЗАЦИЯ КАК АТРИБУТ АНГЛОЯЗЫЧНОГО МЕДИЙНОГО ДИСКУРСА

Н.Л. Грейдина

Дипломатическая академия Министерства иностранных дел РФ, Москва, Россия

Представленное исследование отражает изучение актуальных лингвокогнитивных проблем в сфере англоязычной медийной коммуникации. Предмет исследования связан с процессом метафоризации политико-ориентированной плоскости коммуникации на вербальном и невербальном уровнях. В рамках исследования обозначен авторский интерпретационный анализ контекстуального характера. В целом продемонстрирован новый взгляд на изучение проблем политической метафоризации посредством лингвистического анализа когнитивных феноменов, показан алгоритм трансформации индивидуальных журналистских смыслов в общенациональные. Методология исследования носит комплексный характер и основана на использовании когнитивного подхода к процессу интерпретации феномена политической метафоризации медийного дискурса с учетом контекстуального контент-семантического и интерпретационного типов анализа. Результаты исследования связаны с перспективами создания алгоритмизации когнитивной интерпретации политических событий и явлений в целях формирования общественного мнения в контексте современной англоязычной медийной платформы. Сформулированные выводы экстраполируются на медийную тональность вербального и невербального уровней метафорического образа России и Украины, их коннотативно-векторную направленность, при этом обозначая типовые средства политической метафоризации анализируемого дискурса. Представленные результаты и выводы исследования могут быть использованы в широком спектре научных и образовательных сфер коммуникативной направленности с политической доминантой.

Ключевые слова: метафоризация, политическая коммуникация, медийный дискурс, англоязычные средства массовой информации, контекстуальный контент-семантический анализ, метафорический образ России, вербальные политические метафоры, невербальные политические метафоры, медийная тональность

Политическая метафора транслирует овеществление ментального представления объекта мышления в сфере политики языковыми средствами. Это становится результатом лингвистического исследования когнитивных механизмов ряда явлений, которые в свое время не подлежали анализу с учетом основ позитивистской методологии.

Являясь не только средством описания действительности, но и алгоритмом ее осмысления, политическая метафора способствует категоризации восприятия на основе ассоциативных связей по установлению сходств и различий.

Метафорический охват медийного дискурса в политическом формате формирует новые перцептивно-логические связи и способствует созданию новых смыслов. Индивидуальные журналистские смыслы трансформируются в общественные и отражают национальное видение фрагмента действительности. При этом политическая метафора как когнитивный механизм не только интерпретирует медийное поле, но активно и эффективно преобразует его.

По мнению Э.С. Маккормака [9, с. 67], в основе появления метафоры лежит сопоставление семантических концептов, не являющихся соотносимыми в реальности. В результате созданная метафора представляет собой сходство признаков сопоставляемых объектов, в то же время она проявляет определенное различие данных объектов ввиду нацеленности на создание нового смысла.

Данное уточнение справедливо и для феномена политической метафоризации медийного дискурса, характеризующей один из продуктивных способов его колоризации как релевантного жанрового признака публицистики.

В рамках метафорического отражения медийного дискурса с политическим вектором развития происходит выделение двух объектов внеязыковой действительности, логическая совместимость которых не является обязательным условием их существования. Следующая когнитивная ступень приводит к установлению их когнитивных связей. Процедура осмысленной интеракции данных объектов достигается посредством идентификации их

общих свойств, находящихся отражение на уровне конструирования лексического значения. Последнее состоит из двух аспектов: интенционала и импликационала. Первый связан с комбинацией когнитивно-семантических признаков объекта, второй – с набором построенных на основе вышеобозначенных признаков ассоциаций. Именно импликациональные признаки преобладают в процессе политической метафоризации действительности, в том числе и медийного пространства.

Представленное исследование методологически основано на использовании когнитивного подхода к процессу интерпретации феномена политической метафоризации медийного дискурса. В формате обозначенного подхода актуализирован контекстуальный контент-семантический анализ образа России и ее президента, формируемого англоязычными СМИ в медийном информационном поле.

Процесс интерпретации носит когнитивный характер, отражая индивидуальное формирование политической метафоры посредством речевого поведения в контексте медийного поля смыслообразования как общекогнитивной системы. Результатом интерпретационной деятельности становится зашифрованный и при этом расшифрованный текстовый образец медийного дискурса на основе компетентностной экспертизы, привлекающей анализ и понимание широкого общеполитического контекста и узкого политического ситуативного среза. Обретенный смысл характеризуется целостностью, с одной стороны, и конкретизирующей партиитивностью, с другой стороны. Сочетание обеих составляющих координируется смысловой алгоритмизацией.

На фоне использования контент-семантического анализа продуктивность подтверждается методом социокультурного анализа конкретных речевых образцов совместно с лингвистическим медиаанализом.

Цель работы – установить комплекс атрибутов политической метафоризации медийного пространства англоязычными средствами массовой информации на фоне определения общей тенденции конструирования контекстного медийного дискурса.

Материалом исследования выступили представленные англоязычными СМИ образцы медийных текстов, которые были получены методом сплошной выборки. Период текстовой репрезентации охватил 2021–2023 годы. Общий объем подвергнутых анализу текстов составляет 68 единиц. При этом единица измерения исчисляется опубликованной статьей англоязычными средствами массовой информации.

В ходе процесса метафоризации две мысли о предметах политической действительности отражают взаимодействие в рамках одной вербализованной единицы. Их выражение представляет собой образование политической метафоры.

Одной из значимых коммуникативных функциональных основ метафоризации является построение образа. Под образом в данном исследовании понимается комплекс логико-эмоциональных представлений вербально-невербального характера, формирующихся на сознательном и подсознательном уровнях носителя языка [5, с. 176].

Образ отражает континуальное во временном смысле представление об объекте в общественном сознании на основе не только документальных и художественных источников, выраженных в средствах массовой информации мнениях экспертов и журналистов, но и личных впечатлений исследователя.

Одним из видов образа является медийный образ, охватывающий представления об объекте в системе общественного мнения и восприятия, которые формируются средствами массовой информации. Достаточно частотно восприятие предмета анализа и интерпретации соотносится с мифологизированными и стереотипизированными представлениями о нем.

Мифологизированное восприятие объекта интерпретации основано на его постижении в эмоционально-чувственных образах, которые, наполняя данный объект осмысления более глубоким смыслом, переходят в языковую (речевую) плоскость. Стереотипизированное восприятие объекта интерпретации определяется его оценкой на основе распространения существующих представлений и стереотипов как устойчивых образов упрощенного характера.

Создание образа объекта на основе его метафоризации представляет собой многоэтапный процесс, в основании которого лежит в том числе и тип используемой метафоры.

Типологизация метафор имеет длительную историю и связывается с целым рядом исследователей. Так, Н.Д. Арутюнова [1, с. 196] выделяет номинативный (на уровне замены значения), когнитивный (на уровне сдвига сочетаемости предикативных слов), образный (на уровне развития фигуральных значений и смыслов), генерализующий (на уровне конструирования логической полисемии) типы метафоры. М.В. Никитин [10, с. 67] дифференцирует метафоры на онтологический (на уровне проекции конкретного значения на абстракцию) (с охватом прямого – однохарактерные признаки – и структурного – разнохарактерные признаки – подтипов), синестезический (на уровне переноса ощущения с исходного на производное значение), эмотивно-оценочный (на уровне переключения восприятия – с когнитивного формата в прагматический) типы. Дж. Лакофф и М. Джонсон [19, с. 38] различают ориентационные (на уровне организации всей системы концептов) и онтологические (на уровне восприятия идей, событий, явлений посредством определенных субстанций) типы метафоры.

В рамках данного исследования необходимо дифференцировать вербальные и невербальные метафоры, основанные на специфике своего субстрата.

Вербальные метафоры соотносят два разнохарактерных объекта посредством языкового обозначения, в то время как невербальные метафоры используют визуальные приемы на основе сравнения и субституции соотносимых объектов. Важно отметить, что невербальная метафора порождается в отрыве от категориальной «двусубъектности» [1, с. 197]. Специфика невербальной метафоры связывается с невозможностью порождения новых смыслов и отсутствием перспектив по внеконтекстуальной стабилизации. При этом в рамках приема сравнения на уровне невербальной метафоры интерпретационные объект и образ рассматриваются в качестве иконических знаков, которые получают полное отождествление. В результате использования приема субституции на уровне невербальной метафоры интерпретационный образ замещает собой анализируемый объект. Ряд исследователей [13, с. 817; 4, с. 119] указывают на необходимость слияния различных сфер жизненного опыта для конструирования невербальной метафоры.

Невербальная метафора позволяет объединять несочетаемые объекты без логического обоснования с основой на чувственные компоненты визуального восприятия и эмоциональные переживания реципиента.

Необходимо отметить, что процесс политической метафоризации англоязычного медийного дискурса напрямую связан с изначальным формированием образа объекта. В частности, анализируя образ России в контексте англоязычного медиапространства, требуется установить базовые предпосылки его создания. Последние связаны с восприятием страны на уровне правящих элит и рядовых граждан, национальной исторической памятью, двусторонними отношениями между странами, англоязычными информационными регуляторами. Изучение создания медийного образа России позволяет акцентировать внимание на целенаправленном характере данного процесса, реализуемого средствами массовой информации с использованием существующих манипуляторных технологий, охватывающих техники, способы, приемы, средства [6, с. 28]. Медийный образ страны способствует ее представлению на международной арене – от более идеологических позиций по развитию мягкой силы ее влияния, распространению ее ценностных установок и культурных смыслов до более прагматичных позиций – привлечения инвестиций и развития экспортной базы.

Образ России в англоязычном медийном дискурсе отражает комплекс новостной и стереотипной информации, обусловленной современной политической конъюнктурой и историческими экскурсами [3, с. 8].

Метафорический образ России в политическом медийном дискурсе связывается с образом-концептом «медведь». Введение понятия образа-

концепта в медийное поле позволяет обозначить образные, ассоциативные, оценочные составляющие, отражающие основы формирования политического дискурса и его компетентную интерпретацию. Например, вербальная зооморфная метафора «российский медведь» обозначает Россию: “Russian bear will try to swallow porcupine, but it will be difficult to digest it” [14] («Русский медведь попытается проглотить дикобраза, но переварить его будет трудно») (перев. – Н.Г.).

Характерные особенности и повадки медведя переносятся на страну и ее жителей. Так, понятие «медведь» отражает следующие словарные дефиниции: с одной стороны, в прямом смысле – крупное хищное животное [8, с. 623], с другой стороны, в переносном смысле – крупный, сильный, невоспитанный, грубый человек [8, с. 623]. На данной основе между двумя гранями строится вербальный метафорический образ России как страны, славящейся своим могуществом и силой, олицетворяющей храбрость, интеллект и неистовый нрав. Соответственно россияне как народ этой страны представлены в англоязычном лингвокультурном медийном пространстве как сильные, волевые, неукротимые духом.

На основе существующей информации [12, с. 378] медведь стал ассоциироваться с Россией, начиная с XVI в., появившись в качестве образа Московии на карте Европы, которая была составлена историком О. Магнусом. Представление России в образе медведя в различных видах (на поводке, в наморднике, с оружием) было продемонстрировано при выпуске сатирических гравюр в Англии XVIII в. [12, с. 379].

В вышеобозначенном контексте в качестве противопоставления используется другая политическая вербальная зооморфная метафора «дикобраз», связанная в англоязычном сознании с Украиной. Понятие «дикобраз» отражает следующие словарные дефиниции: с одной стороны, в прямом смысле – мелкое животное-грызун, туловище которого покрыто множеством длинных игл – до 30 000, применяемых в качестве стрел во врагов, утрата которых приводит к их новому отрастанию; между игл расположены толстые, крепкие и острые шипы, эффективно используемые для защиты [8, с. 86], с другой стороны, в переносном смысле – дикий, неуклюжий, невоспитанный человек [8, с. 86].

Соответственно англоязычный медийный дискурс отражает представление России посредством политической вербальной метафоры медведя и Украины – вербальной метафоры дикобраза. Из практики поведения данных животных понятно, что пытающийся съесть дикобраза хищник нередко погибает или сильно страдает из-за его иголок. Последствия самого дикобраза от этой схватки не интересуют и не отражены англоязычным политическим медийным дискурсом.

Вербальный метафорический образ России в политическом медийном дискурсе связывается с

образом ее президента В.В. Путина. Анализируя англоязычное политическое медийное пространство, важно отметить представление образа президента России В.В. Путина на основе вербальных метафор авторитаризма и власти.

Несмотря на то, что такая характеристика связана с позициями профессионализма, компетентности национального лидера, положительной составляющей его медийного образа, именно вышеупомянутые качества связываются в англоязычном медийном дискурсе с деспотизмом [7, с. 103].

Одна из англоязычных политических вербальных метафор отождествляла российского президента В.В. Путина с образом «нового шерифа Ближнего Востока»:

“Some observers call the Russian president the Middle East’s New Sheriff and for good reason” [20, с. 18] («Некоторые обозреватели называют российского президента новым шерифом Ближнего Востока, и небезосновательно») (перев. – Н.Г.).

В данном контексте политическая вербальная метафора «новый шериф Ближнего Востока» отражает параллели между президентом России и лицом, способным оказать ключевое влияние на энергетическую ситуацию в мире.

Важно отметить, что после начала специальной военной операции образ российского президента В.В. Путина приобретает определенную переоценку его профессиональных качеств. Такие вербальные составляющие образа, как “a Middle East power broker” (влиятельный брокер Ближнего Востока), “geopolitical genius” (геополитический гений) получают контекстно политическую трансформацию:

“Putin may have emerged as a Middle East power broker, but his gains elsewhere are tenuous” [17, с. 6] («Путин, возможно, и проявился как ближневосточный силовой брокер, но его успехи в других местах незначительны») (перев. – Н.Г.);

“It’s time to realize that claims of his geopolitical genius are more myth than reality” [17, с. 6] («Пришло время осознать, что заявления о его (Путин – прим. Н.Г.) геополитическом гении – скорее миф, чем реальность») (перев. – Н.Г.).

Вербальный образ российского президента представляется жестоким и коварным посредством использования:

– метафоры “Ivan the Terrible” («Иван Грозный»):

“... he is a latter-day Ivan the Terrible” [20, с. 21] («...он (Путин – прим. Н.Г.) новоявленный Иван Грозный») (перев. – Н.Г.);

– метафоры “Stalin-lite” («сталинист»):

“Everyone sees he is a Stalin-lite” [20, с. 19] («Все видят, что он (Путин – прим. Н.Г.) сталинист») (перев. – Н.Г.);

– метафоры “czar” («царь»):

“Ivan the Terrible’s style of ruling seems to have set the pattern for Russia over the last 400 years including today’s wannabe czar” [20, с. 19] («Стиль правления Ивана Грозного, похоже, задал образец

для России за последние 400 лет, включая сегодняшнего царя-подражателя») (перев. – Н.Г.);

– метафоры “tyrant” («тиран»):

“Putin The Terrible: the cowardice of a shunned tyrant” [18, с. 3] («Путин Ужасный: трусость отверженного тирана») (перев. – Н.Г.).

Необходимо отметить, что в рамках современного англоязычного медийного политического дискурса вербальный образ «тирана» дополняется словесными признаками «трусости» в целях прогнозирования развития ситуации на Украине правильным образом.

От общего числа публикаций, отражающих вербальный метафорический образ России в англоязычных СМИ, 83 % представляют отрицательный образ данной страны (табл. 1).

Таблица 1
Медийная тональность вербального метафорического образа России

Тональность	Англоязычный медийный дискурс
Положительная	2 %
Отрицательная	83 %
Нейтральная	15 %

Анализируя невербальный метафорический образ России в контексте медийного политического дискурса, необходимо отметить тождественную с вербальной зооморфную метафору «российский медведь». Последний представлен в различных подобразах: в диком, обернутом российским флагом, управляемый президентом России В.В. Путиным, одетым в российскую военную униформу и вооруженным российским оружием. В частности, дикой образ российского медведя как политической метафоры России отражен в медиакартинке “Do not feed the Russian Bear” [15]. Российский медведь изображен грозным и опасным животным, с обнаженными клыками и острыми когтями, в атакующей позе, порвавшим крепкую цепь и выбирающимся из железной клетки на волю, приводящим в ужас и панику приглашенных для его укрощения лиц с неадекватным орудием усмирения (конусообразными сетчатыми мешочками на обруче с рукояткой для ловли насекомых – сачками, планами урегулирования А и В). Последние представлены структурой НАТО. Композиционно-структурная модель невербальной метафоры включает пропорциональное распределение героев в пространственном контексте. Российский медведь занимает основную часть сюжетной канвы, значительно превосходя по размерам других героев, тем самым указывая на собственную значимость, с одной стороны. С другой стороны, российский медведь представляет собой единственное животное, в то время как другие герои изображаются в человеческом виде, олицетворяя цивилизованные страны.

Данная невербальная зооморфная метафора изображает тщетность попыток НАТО контролировать политическую волю России.

В рамках процесса невербальной политической метафоризации важно рассмотреть цветовую метафору в контексте англоязычного медийного дискурса. Метафора, представляя собой лингвокультурный феномен, транслирует чувственный опыт как способ познания окружающей действительности. Сформулирован ряд концепций, объясняющих мотивацию в использовании цвета в рамках политического дискурса. Одна из них отражает тот факт, что цветовой фон существует не самостоятельно, сам в себе, а является свойством определенных предметов и вещей [2, с. 56]. Соответственно цветовая лексика в рамках политического дискурса может иметь и определенные метафорические значения, отражая политические реалии и события. В своей основе цветовое восприятие имеет ассоциативный механизм. Одним из его уровней является эмоциональная ассоциативность, отражающая не только индивидуальную и коллективную опыт и память. Отмечается, что ассоциативные компоненты отражают высокую степень релевантности в процессе метафоризации на цветовой основе [2, с. 59].

Использование защитно-зеленого цвета, или милитари, в униформе президентом Украины В.А. Зеленским [16] транслирует существующие в стране реалии – состояние войны, противостояние, готовность к продолжению борьбы с Россией. Базовым цветом для защитно-зеленого цвета является зеленый, эмоциональный тон которого определяется его оттенком. В данном случае идею президента Украины В.А. Зеленского требуется понимать следующим образом: Россия – страна агрессор, а защитный оттенок указывает на камуфлированность политических реалий в стране, необходимость защиты от захватчика. Впервые данный цвет в военных целях был использован в 1857 г. при восстании сипаев [11, с. 967].

Данная невербальная метафора создает агрессивный образ России и подкрепляется ее политическим посылом, воспринимаемым на международном уровне:

– “an apparent attempt to reserve the military look” [16] («очевидная попытка сохранить военный вид») (перев. – Н.Г.),

– “Ukrainian President Volodymyr Zelensky has made an army green T-shirt his ubiquitous wartime uniform” [16] («Президент Украины Владимир Зеленский сделал армейскую зеленую футболку своей вездесущей формой военного времени») (перев. – Н.Г.),

– “... keenly aware that’s a style appropriate for those fighting off a brutal Russian invasion” [16] («... прекрасно понимают, что такой стиль подходит для тех, кто борется с жестоким российским вторжением») (перев. – Н.Г.).

Соответственно созданная контекстная цветовая метафора точно прочитывается в рамках медийного политического дискурса.

В том же русле необходимо интерпретировать заявления европейских чиновников в преддверии

поездки на Украину 2.02.2023 г. – 3.02.2023 г. относительно отказа от использования защитного зеленого цвета в своем гардеробе [16]. Посыл евродипломатов сводится к отмежеванию от состояния военного конфликта между странами Европы и Россией: “a style appropriate for those fighting off a brutal Russian invasion — but perhaps less so for an EU commissioner” [16] («стиль, подходящий для тех, кто борется с жестоким российским вторжением, но, возможно, в меньшей степени для комиссара ЕС») (перев. – Н.Г.).

От общего числа публикаций, отражающих невербальный метафорический образ России в англоязычных СМИ, 81 % представляют отрицательный образ данной страны (табл. 2).

Таблица 2
Медийная тональность невербального
метафорического образа России

Тональность	Англоязычный медийный дискурс
Положительная	8 %
Отрицательная	81 %
Нейтральная	11 %

Таким образом, процесс политической метафоризации в рамках современного англоязычного политико-ориентированного медийного дискурса отражает создание негативного образа России. При том используются различные формы и средства политической метафоризации как на вербальном, так и невербальном уровне. Отмечается незначительное преобладание в количественном плане медийных публикаций, отражающих негативный образ России на вербальном уровне.

Анализируя когнитивную плоскость метафорического образа России в англоязычном медийном дискурсе, следует отметить, что с позиции сегодняшнего дня она вписывается в формат «чужой». Если в конце XX века данный метафорический образ сводился к формату «другого» и «иног», то на современном этапе ощущается его дрейф в сторону отчуждения и трансформации в формат «чужого». Последний интерпретируется как «беспокоящий или неприятный; неродной; далекий по духу, взглядам» [8, с. 1398]. В результате особое смысловое значение приобретает тенденция явной угрозы, т. е. умышленного и сознательного нанесения вреда общественным национальным интересам другой страны.

Важно обозначить, что средства массовой информации в рамках англоязычного медийного дискурса целенаправленно осуществляют процесс метафоризации образа России с учетом того фактора, в соответствии с которым формирование восприятия определяется не объективной действительностью, а ее репрезентацией. Подобная медийная практика является следствием существующей конфронтации между Россией и Западом, включающим страны Европы и США.

Литература

1. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – М.: Логос, 2018. – 396 с.
2. Бабайцев, А.В. Политический символизм цвета / А.В. Бабайцев // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2007. – № 3. – С. 56–62.
3. Бакулин, О.Т. Образ современной России в американских СМИ / О.Т. Бакулин // Медиаальманах. – 2007. – № 6. – С. 7–11.
4. Большакова, Л.С. Когнитивный механизм создания визуальной метафоры (на материале англоязычных музыкальных видеоклипов) / Л. С. Большакова // Современные проблемы науки и образования. – 2018. – № 2. – С. 119–123.
5. Валгина, Н.С. Теория текста / Н.С. Валгина. – М.: Логос, 2021. – 386 с.
6. Грейдина, Н.Л. Конфликтная и фейковая информация в американском политическом дискурсе / Н.Л. Грейдина // НИР. Современная коммуникативистика. – 2019. – № 6. – С. 28–33.
7. Грейдина, Н.Л. Медийная агрессия в контексте политической коммуникации (на материале британских и американских СМИ) / Н.Л. Грейдина // НИР. Современная коммуникативистика. – 2022. – № 2. – С. 102–107.
8. Кузнецов, С.А. Большой толковый словарь русского языка / С.А. Кузнецов. – М. Русский язык, 2019. – 1568 с.
9. Маккормак, Э.С. Когнитивная теория метафоры / Э.С. Маккормак. – М.: Слово, 2018. – 396 с.
10. Никитин, М.Б. Метафорический потенциал слова / М.Б. Никитин. – М.: АСТ, 2019. – 178 с.
11. Новицкий, В.Ф. Военная энциклопедия / В.Ф. Новицкий. – М.: Знание, 2018. – 1069 с.
12. Рошаль, В.М. Энциклопедия символов / В.М. Рошаль. – М.: Слово, 2021. – 683 с.
13. Carroll, N.K. A note on film metaphor / N.K. Carroll // Journal of Pragmatics. – 2016. – Vol. 6. – P. 809–822.
14. Collinson, S.T. Why Putin's long-feared attack on Ukraine will rock America and the world / S.T. Collinson // CNN. – 2022. – February 24 (accessed: 9.02.2023).
15. Do not feed the Russian Bear // URL: <https://www.i.pinimg.com/originals/ad/f6/f4/adf6f4a4479e8a76f7fa2cf1f4dea144.jpg> (accessed: 8.02.2023).
16. Eder, F. S. The EU's Ukraine trip dress code: wear a suit, not green like Zelenskyy // URL: <https://www.politico.eu/article/eu-ukraine-summit-trip-dress-code-brussels-military-volodymyr-zelenskyy-russian-invasion-solidarity-kyiv/> (accessed: 9.02.2023).
17. Fidler, S.B. Winter of inhumanity at a new level / S. B. Fidler // The Wall Street Journal. – 2022. – December 18. – P. 6.
18. Harvey, M.T. Putin the Terrible: the cowardice of a shunned tyrant / M.T. Harvey // 3 Quarks Daily. – 2022. – March 14. – P. 3.
19. Lakoff, G. Metaphors we live by / G. Lakoff, M. Johnson. – N.Y.: Appleton, 2016. – 289 p.
20. Tayler, J.P. Putin the Terrible / J.P. Tayler, P.K. Starobin // The Atlantic. – 2022. – September. – P. 18–26.

Грейдина Надежда Леонидовна, доктор филологических наук, профессор, Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия, greidina@yahoo.com

Поступила в редакцию 20 февраля 2023 г.

DOI: 10.14529/ling230306

POLITICAL METAPHORIZATION AS AN ATTRIBUTE OF THE ENGLISH-LANGUAGE MEDIA DISCOURSE

N.L. Greidina, greidina@yahoo.com

The Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia

The presented research reflects the study of topical linguocognitive problems in the field of English-language media communication. The subject of the research is connected with the process of metaphORIZATION of the politically oriented plane of communication at the verbal and nonverbal levels. Within the framework of the study, the author's interpretative analysis of a contextual nature is indicated. In general, both a new view on the study of the problems of political metaphORIZATION through linguistic

analysis of cognitive phenomena is demonstrated and an algorithm for the transformation of individual journalistic meanings into national ones is shown. The research methodology is complex and based on the use of a cognitive approach to the process of interpreting the phenomenon of political metaphorization of media discourse, taking into account contextual content-semantic and interpretative types of analysis. The results of the study are related to the prospects of constructing algorithmization of political events and phenomena cognitive interpretation in order to form public opinion in the context of a modern English-language media platform. The formulated conclusions are extrapolated to the media tonality of the verbal and nonverbal levels of the metaphorical image of Russia and Ukraine, their connotative-vector orientation, while designating typical means of political metaphorization of the analyzed discourse. The presented results and conclusions of the study can be used in a wide range of scientific and educational spheres of communicative trend with a political dominant.

Keywords: metaphorization, political communication, media discourse, English-language mass media, contextual content-semantic analysis, metaphorical image of Russia, verbal political metaphors, nonverbal political metaphors, media tonality

References

1. Arutyunova N.D. *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the human world]. Moscow, Logos, 2018, 396 p.
2. Babajcev A.V. Politicheskij simbolizm cveta [Political symbolism of color]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2007, no. 3, pp. 56–62.
3. Bakulin O.T. Obraz sovremennoj Rossii v amerikanskih SMI [The image of modern Russia in American media]. *Mediaal'manah*, 2007, no. 6, pp. 7–11.
4. Bol'shakova L.S. Kognitivnyj mekhanizm sozdaniya vizual'noj metafory (na materiale angloyazychnyh muzykal'nyh videoklipov) [Cognitive mechanism of creating a visual metaphor (based on the material of English-language music videos)]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*, 2018, no. 2, pp. 119–123.
5. Valgina N.S. *Teoriya teksta* [Text theory]. Moscow, Logos, 2021, 386 p.
6. Greidina N. L. Konflikt'naya i fejkovaya informaciya v amerikanskom politicheskom diskurse [Conflict and fake information in American political discourse]. *NIR. Sovremennaya kommunikativistika*, 2019, no. 6, pp. 28–33.
7. Greidina N.L. Medijnaya agressiya v kontekste politicheskoy kommunikacii (na materiale britanskih i amerikanskih SMI) [Media aggression in the context of political communication (based on the material of British and American media)]. *NIR. Sovremennaya kommunikativistika*, 2022, no. 2, pp. 102–107.
8. Kuznecov S.A. *Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka* [Big explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow, Russkij yazyk, 2019, 1568 p.
9. Makkormak E.C. *Kognitivnaya teoriya metafory* [Cognitive theory of metaphor]. Moscow, Slovo, 2018, 396 p.
10. Nikitin M.B. *Metaforicheskij potencial slova* [The metaphorical potential of the word]. Moscow, AST, 2019, 178 p.
11. Novickij V.F. *Voennaya enciklopediya* [Military encyclopedia]. Moscow, Znanie, 2018, 1069 p.
12. Roshal' V.M. *Enciklopediya simbolov* [Encyclopedia of symbols]. Moscow, Slovo, 2021, 683 p.
13. Carroll N.K. A note on film metaphor. *Journal of Pragmatics*, 2016, vol. 6, pp. 809–822.
14. Collinson S.T. Why Putin's long-feared attack on Ukraine will rock America and the world. *CNN*, 2022, February 24 (accessed: 9.02.2023).
15. *Do not feed the Russian Bear*. URL: <https://www.i.pinimg.com/originals/ad/f6/f4/adf6f4a4479e8a76f7fa2cf1f4dea144.jpg> (accessed 8.02.2023).
16. Eder F.S. *The EU's Ukraine trip dress code: wear a suit, not green like Zelenskyy*. URL: <https://www.politico.eu/article/eu-ukraine-summit-trip-dress-code-brussels-military-volodymyr-zelenskyy-russian-invasion-solidarity-kyiv/> (accessed 9.02.2023).
17. Fidler S. B. Winter of inhumanity at a new level. *The Wall Street Journal*, 2022, December 18, p. 6.
18. Harvey M. T. Putin the Terrible: the cowardice of a shunned tyrant. *3 Quarks Daily*, 2022, March 14, p. 3.
19. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors we live by*. N.Y., Appleton, 2016, 289 p.
20. Tayler J.P., Starobin P.K. Putin the Terrible. *The Atlantic*, 2022, September, pp. 18–26.

Nadezhda L. Greidina, Doctor of Philology, Professor, The Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia, greidina@yahoo.com

Received 20 February 2023

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Грейдина, Н.Л. Политическая метафоризация как атрибут англоязычного медийного дискурса / Н.Л. Грейдина // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». – 2023. – Т. 20, № 3. – С. 53–59. DOI: 10.14529/ling230306

FOR CITATION

Greidina N.L. Political metaphorization as an attribute of the English-language media discourse. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Linguistics*. 2023, vol. 20, no. 3, pp. 53–59. (in Russ.). DOI: 10.14529/ling230306